

1 MAR 1969

ВЫШКА

3 стр

КАКИМ Я ЕГО УВИДЕЛ...

МОЛОДЫЕ ТАЛАНТЫ

шее приближение к этому дну...

Первому выступлению Рамиса в Баку, о котором недавно сообщалось в газетах, предшествовали годы напряженной учебы. Сначала музыкальная школа в Баку — класс виолончели, затем исполнительский факультет Азербайджанской государственной консерватории имени Уз. Гаджибекова. А сейчас он учится на факультете оперно-симфонического дирижирования Ленинградской государственной консерватории имени И. А. Римского-Корсакова. С благодарностью отзывается молодой дирижер о своих бакинских преподавателях, о профессоре И. М. Туриче, о заведующем кафедрой струнных инструментов Азербайджанской консерватории заслуженном артисте республики С. Г. Алиеве. Они поддерживали и воспитывали его любовь к музыке.

Учебой для Рамиса была и работа в камерном оркестре Азербайджанского радио и телевидения (он играл на виолончели) с очень тонким и вдумчивым музыкантом Назимом Рзаевым. Своего рода учебой было и преподавание игры на виолончели в музыкальной школе.

В программу недавнего концерта в Баку Рамис включил одно из сложней-

ших музыкальных произведений — Четвертую симфонию Брамса. Эта вещь, как известно, требует не только глубины музыкальных знаний, но и четких профессионально-дирижерских навыков.

Рамиса тепло принял коллектив Азербайджанского государственного симфонического оркестра имени Уз. Гаджибекова. Этот прием положительно предreshил его дебют в родном городе. Другая вещь, которая была исполнена в Баку, — Второй концерт Брамса для фортепьяно с оркестром.

— Мне повезло выступить с Татьяной Кравченко, профессором Киевской консерватории, заслуженной артисткой РСФСР. Это было неожиданно и радостно — она обладает большим исполнительским мастерством, высокой музыкальной культурой, ее солирование, безусловно, тоже очень помогло моему дебюту.

Почему Рамис выбрал Брамса? Это один из его любимейших композиторов. О Брамсе, Вахе, Бетховене, Чайковском, кажется, он мог бы говорить часами: ему близка музыка с ярко выраженными драматическими коллизиями. Этим определяется его влюбленное отношение к сочинениям и таких

современных композиторов, как Шостакович, Кара Караев, Прокофьев.

И опять говорит Рамис о тех, кому он признателен, благодарен. О ленинградских своих коллегах. Скоро кончатся каникулы, и наш земляк уедет в Ленинград продолжать учебу. И опять скупое, очень скупое о себе. Отец Рамиса видит мое состояние, пытается помочь, но тоже не получается — и он говорит о других: видимо, скромность — черта семейная...

— Хочу выразить огромную свою признательность маэстро Ниязи. — подытоживает наш разговор Рамис. — Он оказал мне высокое доверие, — стать за дирижерский пульт профессионального и, кстати, необыкновенно слаженного оркестра. Ниязи присутствовал на всех моих репетициях. Его указания, советы по дирижированию останутся для меня бесценными. Что же касается всех земляков моих, — и опять открытая улыбка, — от всего сердца желаю им еще больше любить музыку. Она — богатство, она сближает людей.

Таким я увидел нашего земляка, несомненно одаренного дирижера Рамиса Мелик-Асланова.

М. ГАДЖИЕВ.

НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД он кажется спортсменом: рослый, коротко подстриженные волосы. И разве что только глаза выдают в нем человека искусства. Даже в беседе, даже в тот момент, когда он произносит подобранное слово, глаза его словно обращены внутрь. Он музыкант до мозга костей, и эмоциональное состояние его переменчиво, как музыка: это и делает его интересным собеседником.

О себе Рамис говорит скупое, смущаясь. Любит рассказывать о преподавателях, об исполнителях, композиторах, рассуждать об искусстве. И не только о музыке: «Очень люблю живопись, приглядываюсь к особенностям архитектуры... Это помогает мне лучше разбираться в своем искусстве — в музыке».

В нашей беседе участвовал и отец Рамиса — добрый, общительный человек, который, кстати, сыграл немаловажную роль в творческом становлении сына. Было даже такое, что Рамис хотел уйти из музыкальной школы — из девятого класса. Долго тогда беседовал с ним отец: убедил остаться. «Кажется мне, музыка — призвание твое. Но нечего тебе терять, если и ошибусь я. Будешь иметь образование и общее, и музыкальное. Это трудно, конечно, но...»

Так вот отец Рамиса и рассказывал этот забавный эпизод. Захотелось одному любителю легкой жизни нетрудной работы. Приглядывался к разным профессиям и специальностям, расспрашивал. Попал однажды на симфонический концерт. Видит, стоит

перед большим оркестром некто в черном фраке, белоснежной рубашке и машет, машет в свое удовольствие палочкой. Спросил, что за человек. Ответили — дирижер. Спросил, сколько он зарабатывает. Ответили — здорово. Обрадовался искатель легкой работы — вот это по мне: и палочка не тяжела, и деньги хорошие...

Рамис улыбается. Открыто, весело... Призадумался. — Да, работа дирижера многим кажется легкой: пришел, взмахнул палочкой — и полилась музыка. Но это трудно. Очень! Целый год иной раз готовишься к одному часу выступления. И вообще вся жизнь дирижера — труд, труд... Музыка не терпит застоя. В ней не нащупать, не достичь дна. Бывает только большее или мень-